

В контексте мемориализации – увековечения памяти о знаковых исторических событиях, некронимы выполняют одну из важнейших функций: они оказывают воздействие на чувственную сферу человека, моделируя образ исторических событий, происходивших на данной территории. Кладбище является неотъемлемой частью исторического облика населенного пункта. Выполняя свою естественную функцию, места захоронения являются «памятником» истории и культуры, которые наравне с другими инструментами мемориализации транслируют призыв к увековечению народной памяти.

Цель – выявить особенности функционирования некронимов Белорусского Поозерья в лингвокультурологическом аспекте.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили некронимы Белорусского Поозерья. Для анализа материала были использованы описательный, аналитический методы и элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. На территории Белорусского Поозерья функционируют наименования кладбищ, которые представлены следующими семантическими категориями. Наиболее многочисленную группу составляют некронимы, отражающие наименования населенных пунктов, к которым относятся кладбища (42%): «Краснолукское кладбище», «Марковичи», «Пригузки», «Миорское кладбище», «Просоловское кладбище», «Кладбище д. Клиденяты», «Кладбище д. Колтея», «Кладбище в д. Шнитки», «Кладбище «Глинище». Для удобства идентификации географического объекта с той или иной местностью в качестве базы для процесса номинации послужили названия населенных пунктов. Чаще всего оттопонимные некронимы образованы от названий малых населенных пунктов и нередко вступают в отношения бинарной оппозиции: «Старосеменовское» – «Новосеменовское», «Кладбище «Северное» – «Кладбище «Южное», «Старое кладбище» – «Новое кладбище».

Довольно обширную группу составляют некронимы, которые указывают на национальную принадлежность захороненных (9%): «Кладбище еврейское», «Немецкое кладбище», «Кладбище польских солдат», «Татарское кладбище», «Бывшее еврейское кладбище». Подобные наименования дают расширенную информацию о том, какие народности населяли территорию современных белорусских земель.

Семантическая группа некронимов, содержащая информацию о конфессиональной принадлежности погребенных образует 7% от общего количества наименований: «Лютеранское кладбище», «Католическое кладбище», «Православное Георгиевское», «Кладбище католическое», «Кладбище христианское: брама», «Старообрядческое кладбище», «Обрядческое кладбище».

В отдельную группу нами были выделены наименования, отражающие причастность захороненных к службе в вооруженных силах и участие в знаковых военных событиях (9,5%): «Кладбище немецких солдат Первой мировой войны», «Кладбище военнопленных», «Воинское захоронение №6350», «Братское кладбище».

Особое положение занимает семантическая группа онимов, которые образованы от имен святых (2,5%): «Ерёминское кладбище» (Св. апостол Иеремия), «Варфоломеевское кладбище» (Св. апостол Варфоломей), «Кладбище Ксаверия» (Ф. Ксаверий – католический миссионер). Что примечательно, нередко агонимы приобретают прецедентный характер и становятся производящей основой для номинации культовых сооружений, которые, в свою очередь, являются мотивационной базой для наименования некронимов: «агоним Св. великомученик Георгий Победоносец → экклезионим «Свято-Георгиевский храм» → некроним «Православное Георгиевское кладбище».

Заключение. В результате проведенного исследования следует отметить, что процесс номинации некронимов не является стихийным, он непосредственно связан с пластом обширной культурологической информации, которая стоит за каждым наименованием. Некронимы являются носителями важнейшей социокультурной информации и занимают в ономастическом пространстве периферийное положение.

1. Майоров М.В. Некронимы и некротопонимы как объекты ономастического исследования // Проблемы региональной ономастики: материалы Всерос. науч. конф., Майкоп, 25–27 мая 2006 г. / Адыгейск. гос. ун-т: редкол.: У.М. Панеш [и др.]. Майкоп, 2006. – С. 177–181.

2. Майоров М.В. Некротопоним как новый термин в ономастике // Проблемы региональной ономастики: материалы Всерос. науч. конф., Майкоп, 25–27 мая 2006 г. / Адыгейск. гос. ун-т: редкол.: У.М. Панеш [и др.]. Майкоп, 2006. С. 182–186. 3. Немцев, М. О будущем, или зачем нам памятники? / М.О. Немцев // 60 параллель. – 2010 – № 1 – С. 8–15.

3. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988 – 196 с.

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОНЛАЙН СТАТЬИ И ЛОНГРИДА

Сафонова И.В.,

студентка 2 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г.Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Казимиrowa О.В., канд. филол. наук, доцент

Мы живем в постиндустриальном обществе, где много внимания приковано к СМИ, точнее к информации, которой они располагают. В последние несколько десятилетий темп современного среднестатистического человека увеличился, и для того, чтобы своевременно получать достоверную и легкодоступную информацию, такому аналитическому жанру журналистики как *статья* пришлось «видоизмениться», «подстроиться» под требования современности. Все вышесказанное обуславливает тот факт, что статьи постепенно уменьшали свой объем, а затрачиваемое время на их чтение сводилось лишь к

рассмотрению определенной ситуации/события. Отметим, что атрибутами современной статьи неотъемлемо являются сопровождающие ее мультимедиа-файлы, помогающие донести до адресата предназначенную информацию, сопряженную с идейной концепцией самой статьи в целом.

В настоящее время в противовес классическому «оперативному» жанру статьи появляется *лонгрид*, под которым принято понимать журналистский формат подачи информации, характеризующийся значительным объемом, глубиной рассмотрения поставленной проблемы и большим количеством мультимедийных вставок различного формата. Несмотря на то, что мультимедиа-файлы присутствуют и в обычной статье, в лонгриде они расположены более структурированно, адаптируясь под темп и стиль повествования.

Целью исследования является изучение структурных особенностей англоязычного лонгрида и выявление его отличий от классической статьи.

Материал и методы. В ходе исследования использовался эмпирический метод научного исследования – сравнение, которое производилось между двумя жанрами современной журналистики. Для репрезентации знаний о лонгриде был проведен социологический опрос среди студентов 2-го курса филологического факультета ВГУ имени П.М. Машерова. В качестве исследовательского материала выступили англоязычные статьи и лонгриды, отобранные из цифровых газет и журналов за 2020 год.

Результаты и их обсуждение. В результате изучения жанровой структуры современной статьи следует отметить, что она практически не меняет своей структуры. В ней мы можем выделить: *проблему, раскрытие проблемы* (опционально для статьи), *решение проблемы* (опционально для статьи), *вывод* (опционально для статьи).

Обращаясь к истории возникновения жанра *лонгрид* (от англ. – «long read»), следует подчеркнуть, что он появился сравнительно недавно, а именно, в 2012 году в американской электронной газете «The New York Times» (к слову, вышедшей на платформе первой статьей в формате лонгрида считается «Snow fall»). От классической статьи, лонгрид отличается значительным объемом, поэтому и помечается специальной меткой, которая информирует читателя о том, что это именно лонгрид. При этом в этом случае указывается приблизительное время прочтения текста. Данная особенность и обуславливает специфику названия «лонгрид», которое образовалось в результате транслитерации исходного термина «long read», дословно переводящегося как «долгое чтение». Следует также заметить, что описанные выше компоненты структуры статьи, нередко являющиеся для нее опциональными, обычно являются обязательными для лонгрида, что обуславливает максимально полное погружение в процесс чтения.

Анализ практического материала показывает, что количество слов в стандартной газетной статье составляет около 1000 единиц, тогда как минимум для лонгрида составляет около 1500 слов и может достигать от 5000 до 30,000 единиц. Рассмотрим количество знаков на свободной выборке из англоязычных цифровых газет и журналов за 2020 год: статья «*Banquets Are Back in Fashion. But Where Does All the Food Go?*» из газеты «The New York Times» – 1059 слов [1]; статья «*The database that means festivals have 'no excuses' on gender balance*» из «The Guardian» – 746 слов [3]; лонгрид «*Golden Dawn: the rise and fall of Greece's neo-Nazis*» из электронной газеты «The Guardian» – 6592 слова [2]; лонгрид «*The Ghost Hunter*» из журнала «The Atavist Magazine» – 8576 слов [4].

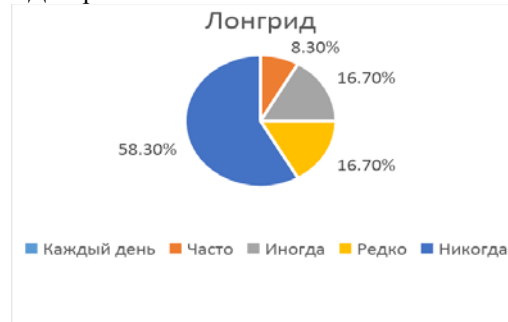
Заключение. Итак, главное отличие англоязычной статьи от лонгрида заключается в длине текста. Полагая, что еще одним значимым показателем является его структурированность. Как правило, в лонгриде можно выделить основные элементы сюжета: *завязку, кульминацию и развязку*; реже – *экспозицию и развитие действия*. Сам текст разделен с помощью отдельных заголовков либо нумерации. В отличие от статьи, текст лонгрида сопровождается рубрикацией. Частотным видом рубрикации является озаглавливание по степени содержательности, форме и составу заголовка. Наиболее типичным заглавием является графический заголовок, обозначенный с помощью буквы [2]. Наряду с буквой могут появляться тематические, нумерационные и литерные заголовки [4]. Сказанное выше позволяет проследить некоторое сходство лонгрида в структурном плане с жанрами художественного дискурса – новеллой, романом и эпопеей.

Анализ результатов опроса студентов об осведомленности в исследуемых жанрах позволяет сделать следующие выводы.

Диаграмма 1

Диаграмма 2

Статистические данные показывают, что о существовании статьи знает 100% студентов, в то время как лонгрид знаком лишь для 50% опрошенных. Это свидетельствует о том, что жанровый формат лонгрида, сформировавшийся в англоязычных медиа, проникает в наше медиапространство, постепенно набирая популярность. Таким образом, лонгрид, обладая особенностями организации сюжета, предстает неким переходным звеном между классической статьей и новеллой по содержательности и постановке проблемы.

1. «Banquets Are Back in Fashion. But Where Does All the Food Go?». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2020/02/21/t-magazine/fashion-banquet-food-waste.html?action=click&module=Features&pgtype=Homepage>. - Дата доступа: 03.03.2020 – 04.03.2020
2. «Golden Dawn: the rise and fall of Greece's neo-Nazis». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/news/2020/mar/03/golden-dawn-the-rise-and-fall-of-greece-neo-nazi-trial>. - Дата доступа: 03.03.2020 – 04.03.2020.
3. «The database that means festivals have 'no excuses' on gender balance». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-51723513>. - Дата доступа: 03.03.2020 – 04.03.2020.
4. «The Ghost Hunter». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://magazine.atavist.com/the-ghost-hunter-galleon-shipwreck-oregon-goonies-philippines>. - Режим доступа: 29.02.2020 – 04.03.2020.

ТЭМА ПАМЯЦІ ПРОДКАЎ І ЗАХАВАННЯ ТРАДЫЦЫЙ У ТВОРЫ “РАДЗІВА “ПРУДОК”. ДЗЁННІК” А. ГОРВАТА

Селязень К.Я.,

студэнтка 1 курса ВДУ імя П.М. Машэрава, г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь
Навуковы кіраўнік – Падстаўленка В.Ф., канд. філал. навук, дацэнт

Прозвішча Андруса Горвата ўвайшло ў беларускую літаратуру нядаўна. Дзякуючы публікацыям свайго вясковага жыцця ў сацыяльнай сетцы Facebook, ён набыў прыхільнікаў яшчэ да выхаду папулярнай у сучаснай культурнай прасторы кнігі “Радзіва “Прудок”. Дзённік”.

Мэта артыкула – вызначыць ідэйна-мастацкія адметнасці шматграннага ўвасаблення канцэптуальнай тэмы сувязі з роднымі першавытокамі ў творы Горвата “Радзіва “Прудок”. Дзённік”.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання ў артыкуле з’яўляецца твор “Радзіва “Прудок”. Дзённік” А. Горвата. Асноўнымі для навуковага аналізу абраны прыёмы канкрэтна-гістарычнага, структурна-тыпалагічнага і дэскрыптыўнага метадаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Сам аўтар, як і прагнаніст у “Радзіва...”, з’яўляўся ў мінулым выпускніком факультэта журналістыкі БДУ, пасля быў вымушаны працаваць два гады дворнікам Купалаўскага тэатра, падзарабляць у жаночым манастыры. Відавочна, што тут ніякай сур’ёзнай працы, а тым больш кар’ернага росту. Кампенсация мінімальнай культурна-эстэтычнай прасторы становіцца ўнутраным светам героя, плынь яго разваг і адчуванняў, адлюстраваная ў згаданай кнізе.

Той факт, што сталічнага жыхара ўвесь час цягне на малую радзіму, адкрыта адлюстраваны ў тэкście: “Скончыцца зіма, і я пераеду жыць у сваю хату. Таму я люблю прыбіраць снег: гэта як чысціць доўгую дарогу дадому” [1, с.12]. Нават дробязная фізічная праца па-філасофску глыбока асэнсоўваецца персанажам, калі гэта хоць асацыятыўна звязана з радзімай.

У жанрава-кампазіцыйным плане твор прэзентуецца як дзённік, аб чым відавочна сведчыць нават яго назва. У лаканічных запісах першага раздзела вельмі часта згадваецца вёска Прудок або само Палессе. Пры ўсёй лёгкасці і моўнай нязмушанасці мастацкага апаведу ў творы тут канстантна праяўляецца глыбокая патрыятычная скіраванасць пазіцыі наратара. Яскравым прыкладам можа служыць тое, што аднойчы галоўны герой просіць маці перадаць яму паўкіло палескай зямлі: “Калі я хачу дадому, я высыпаю зямлю на газетку і станаўлюся на яе басанож. Заплюшчваю вочы і чую Прыпяць” [1, с.14]. Гэта дапамагае герою ўяўна апынуцца ў роднай вёсцы, згадаць дзяцінства, насычае яго душэўнай моцай.

У ходзе сюжэтнага развіцця бачна, што галоўны герой не баіцца змяняць сваё жыццё, ісці да невядомага. У яго складаецца пэўны план будучыні, які варта рэалізаваць. Андрус не толькі гатовы кінуць амаль бесклапотнае сталічнае жыццё, ён літаральна лічыць секунды да таго моманту, калі вернецца ў былую хату: “Праз адзін мільён васемсот чатырнаццаць тысяч чатырыста секунд я буду дома” [1, с.27]. І ў гэтым праяўляецца яшчэ адна адметнасць характару галоўнага героя: адчуванне роднай сувязі з вёскай. Горват не без іроніі разважае адносна ўласнага выбару: “Дом – гэта тэрыторыя, якую я магу змяніць. У мяне ёсць паўтэкстара, абнесеныя плотам, і ўнутры гэтага плота я магу рабіць усё, што хачу. Ну, умоўна кажучы. Гэта і ёсць дом – магчымасць там будаваць сваё. У кватэры што: шпалеры пераклеіць, шафу перасунуць – магчымасць менш” [1, с.28].

Знаходзячыся ў вясковай хаце, Андрус успамінае свайго дзеда, тымчасовыя пабудовы і рэчы. Такім чынам персанаж здзяйсняе пэўную генеалагічную верыфікацыю, мадэляванне магчымага лёсу сям’і. Гэтая ж сітуацыя развіваецца і ў рэальнасці, калі бацькі, цёткі, дзядзькі, мясцовыя жыхары і іншыя выпадковыя людзі знаёмяць галоўнага героя з “тутэйшым” жыццём, традыцыямі і гісторыяй продкаў.

Андрус з вялікай цікавасцю слухае і запамінае ўсё тое, пра што распавядаюць яму старыя людзі. Ён па-сапраўднаму разумее каштоўнасць усяго створанага народам, іх укладу і поглядаў. Герой хоча да драбніц захаваць гэта ў памяці: “Я з замілаваннем слухаю яе мову. Етака, чагойліся, кажны, лісянкі,